

мое песнопение «Ангельские предыдите» находится в службе 20-го декабря на утрени, на хвалитех с таким обозначением: «Творение Романа певца. **Самоподобен**». Это значит, что стихиры 23-го декабря на хвалитех, **подобные** «Ангельские...» надлежит петь по метрическому и мелодическому образцу этого **самоподобна** «Ангельские». Вот их текст:

Самоподобен:
Ангельские предыдите силы,
иже в Вифлееме уготовайте ясли,
Слово бо рождается,
Мудрость происходит,
Приемлет целование Церковь
На радость Богородицы,
Людие рцем,
Благословен пришедший,
Боже наш, слава Тебе.

Подобен: Ангельские.
Предопределенное Отцем
прежде век, и пропове-
данное пророки в послед-
няя, таинство явися, и
Бог вочеловечися, плоть
прием от Девы, зиждет-
ся несозданный волею,
сый бывает, Царь Израилев,
Христос приходит.

Для греческого оригинала здесь должно было быть строгое соответствие не только мелодии, но и **метрики**, что, само собою разумеется, не могло сохраниться в славянском переводе, почему наши подобны соответствуют самоподобным только по мелодии. Еще пример из того же предпразднества:

Самоподобен:
Доме Евфрафов
Граде святыи,
Пророков славо,
Украши дом,
В нем же божественный
рождается.

Подобен: Доме Евфрафов
Грядет Христос
Лукавого сокрушити,
Сущие во тме просветити,
И разрешити связанные,
Предусрящим **того**.

ИСТОРИЯ ЦЕРКОВНОГО ПЕСНОТВОРЧЕСТВА И ПЕСНОПИСЦЕВ

История православного церковного песнотворчества делится учеными обычно на три периода:

- подготовительный, до V века,
- расцвет церковной поэзии в V—VII вв. и
- период преобладания канонов с VIII века и до наших дней.

Это деление, как и всякая попытка вставить живое развитие в рамки периодов, страдает схематичностью и некоторой искусственностью, но для схоластических и педагогических целей приходится мириться с подобной условностью.

Глава 3

ПЕРВЫЙ ПЕРИОД, ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЙ (I—IV вв.)

Касаясь истоков православной церковной поэзии, приходится напомнить сказанное о той связи, которая существовала в быту первых христиан с ветхозаветным храмом и синагогой, и иудейских корнях христианского богослужения. Они гораздо глубже, чем обычно принято думать. Псалмический и вообще библейский песенный материал занимал в нашем ли-

тургическом обиходе исключительное место. Храм не перестал быть центром религиозной жизни первых поколений христиан, как это явствует из Деяний Апостолов и Посланий ап. Павла. Да и нельзя себе вообще представить, чтобы какой-то резкий и внезапный разрыв между апостолами и иудейской средой мог произойти сразу после Вознесения Господа и Сошествия Святого Духа. И даже после совершившегося отделения христианства от иудейства, ветхозаветные воспоминания продолжали очень долго жить в умах и сердцах тех, чьи предки по крови были иудеями, а духовные предки таковыми и остались. Весь дух и пафос Ветхого Завета целиком были восприняты христианами, и этим жили, этим дорожили.

Напоминая сказанное о новозаветных песнях, вошедших в наше богослужение¹, укажем и на слова ап. Павла о «псалмах и поучениях»² и «псалмах, славословиях и песнопениях духовных»³. Для истории ранней церковной поэзии необходимо всегда помнить о том харизматическом настроении первохристианской общины, жившей благодатными дарами Святого Духа, пророческой экзальтацией и вдохновением. Расплавленность и экстатическая духовность той эпохи не позволяют даже думать о каких-либо записях, рукописных памятниках, заранее заученных текстах своих пророчески настроенных «учителей» и поэтов. Никакая закоренелость быта не была мыслима. Все текло, все горело, все было воодушевлено новой, иной жизнью, отличной от стихий этого мира, обычаев среды и какой бы то ни было успокоенности. Поэтому понятно, что наши сведения о той поэзии не только скудны, но почти ничтожны. Свидетельства о том имеются, и не мало, но памятников этого поэтического творчества почти нет.

«Дидахи» и «Апологии» св. муч. Иустина Философа говорят о том, что в литургических собраниях пророки и священнослужители «благодарили (т. е. возносили ими же составленные благодарственные, евхаристические молитвы) сколько могли», «сколько было сил у них». Эти харизматические гимны, не дошедшие до нас, были вероятно ничем не ниже по

¹ Песнь Богородицы, песнь Захарии, песнь Симеона Богопримца.

² I Кор. XIV, 26.

³ Еф. V, 19.

своей силе и поэтическому достоинству, чем пророческие обличения Исаии и Иеремии, чем псалмы Давида и благодарственная пророческая песнь Захарии при рождении «пустынно-любной горлицы», Крестителя Иоанна.

Поэтому совершенно неверно мнение некоторых ученых (Фредерик Озанам), что христианство в первые годы своего существования не могло терпеть поэзии, фантазии и «фикции», будучи крепко привязано к фактам, догматам и определенным истинам. Поэзия, якобы, появилась только после Миланского эдикта. Никак нельзя согласиться с этим, ибо первохристианство совершенно не имело догматического вкуса, оно чуралось отвлеченностей и необходимости философствовать, с одной стороны, и в то же время оно не было привязано к фактам, так как все вещи и явления мира сего были для него чем-то преходящим и не стоящим внимания. Оно, не имея где пребывающего града и взыскавая грядущего, было всецело устремлено в иной мир, и это устремление очень способствовало указанному харизматическому и пророческому настроению. Кроме того, и самые факты и свидетельства говорят обратное. Согласно Озанаму, первые христиане говорили прозой и только прозой. Указанные же памятники¹ и ряд иных свидетельств говорят о другом, как раз обратном. Приведем только некоторые.

Так называемое I послание к Коринфянам св. Климента Римского в своей значительной части содержит² вдохновенный гимн, обращенный к Богу, полный поэтической силы и красоты. В известном «Послании к Диогнету» есть отрывок поэтического содержания. Плиний Младший говорит о собраниях христиан, воспевающих гимны Христу как Богу. Весьма примечательно так наз. «Слово Иудея и Христианина», прочитанное на соборе 787 г. и ведущее происхождение от времен первохристианских. Это — апокрифический гимн, якобы воспетый Христом перед страданиями. Вот его текст в переводе с греческого оригинала:

«Прежде чем Иисус был схвачен нечестивыми и принявшими закон сатанинский иудеями, он собрал нас всех и

¹ Дидахи, Иустин, Послания ап. Павел.

² Гл. 59—61.

сказал: «Прежде чем Я буду им предан, воспоем песнь Отцу, а потом мы пойдём». Тогда Он собрал нас в кругу, держа за руки и стоя в середине, Он сказал: «Ответьте Мне «аминь». И Он начал петь и сказал:

«Слава Тебе, Отче», — а мы все, вокруг Него стоя, воскликнули «аминь».

Слава Тебе, Слово. Слава Тебе, благодать. Аминь.

Слава Тебе, Дух. Аминь.

Слава Тебе, Святой. Слава Славе Твоей. Аминь.

Хвалим Тя, Отче.

Благодарим Тебя, о Свет, в котором не пребывает тьма. Аминь.

Я говорю Тебе о Том, за Кого мы благодарим:

Я хочу быть спасен и хочу спасти. Аминь.

Я хочу быть свободным и освободиться. Я хочу. Аминь.

Хочу разуметь, будучи всецело умом. Аминь.

Хочу омыться и омыться хочу. Аминь.

Благодать нами хороводит, Я хочу водвориться, ликуйте все. Аминь.

Ликуйте таким образом с нами, возлюбленные...».

Выше было говорено о свидетельстве Филона и гимнах терапевтов, вечерних псалмах и утренних. Таковы памятники и свидетельства I—II веков.

Климент Александрийский говорит о существовавших в его время «гимнах и песнопениях (одах)»¹ и о «застольных гимнах и псалмах»². Свидетельства о гимнах находим и у Оригена, св. Григория Неокессарийского, в мученических актах, в «Апостольских Постановлениях»³. В 269 году Антиохийский собор упрекал Павла Самосатского за употребление гимнов, не заимствованных из Псалтири, но позднейшего происхождения⁴. Приводимые кардиналом Питра пасхальные песнопения исследователь Леклерк приписывает очень седой древности.

¹ Педагог, II, гл. 4.

² Строматы VII, гл. 5.

³ Памятник IV века.

⁴ Евсевий, Церк. Ист. VII, гл. 30.

Это: «Пасха священная нам днесь показася, Пасха нова, святая, Пасха таинственная ... и т. д.»

По-видимому, одним из древнейших гимнов христианского песнотворчества, до нас дошедшим в записанном виде и до днесь в церкви употребляющимся, является известное «Свете Тихий...». В славянских часословах оно надписывается именем патр. Софрония Иерусалимского († 638 г.), но св. Марк Ефесский его приписывает св. муч. Афиногену († 311), а св. Василий Великий говорит, что неизвестно кто автор гимна «поем Отца и Сына и Св. Духа». Это, как говорит Скабалланович, типичная христология II—III вв. О ее древности свидетельствует то, что она потеряла имя автора. Эта песнь имеет сродство с песнопениями агап в древних эфиопских церковных постановлениях. Во всяком случае, бесспорно, что «Свете Тихий» приводится в Александрийском кодексе Библии V века, то есть по времени Софрония Иерусалимского. Приводим, кстати, и перевод Скабаллановича:

*«Ты, Христе, свет тихий (в виду вечера)
святых славы (нестерпимой для нас грешных)
бессмертного (в противоположность закату сол-
нечному и истощанию Христа в
крестной смерти)*

*Отца небесного, святого блаженного, Иисусе Христе,
Пришедше на запад солнца (доживши до заката)
видевше свет вечерний, поем Отца, Сына и Святого
Духа, Бога.*

*Достоин еси во вся времена (а не только вечером)
пет быти гласы преподобными (более нас подходя-
щими)*

*Сыне Божий, живот дающий,
(почему) благодарный мир Тебя славит».*

Св. Григорий Богослов в своей полемической против ариан деятельности много писал не только бесед и посланий, но особенно много составлял поэтических произведений. Это был по преимуществу богослов-поэт. В его поэмах находим много выражений, которые потом, так или иначе, были использованы в нашей литургической гимнографии. Например: его беседа на Пасху начинается словами: «Воскресения день, начало

блаженства, просветимся торжеством, друг друга объедем, рцем: «братие»... Эта фраза взята Дамаскиным в его пасхальные стихиры. За сим, св. Григорий в той же беседе говорит: «Вчера спогребохся Тебе, Христе, совосстаю днесь Тебе...», что также было использовано Дамаскиным в его пасхальном каноне. Тот же св. Григорий вещает: «О Пасха, великая и священная, Христе. О мудрость, сила Божия...», что в том же каноне Дамаскина встречается. Знаменитая беседа св. Григория Богослова на Рождество начинается словами: «Христос рождается, славите. Христос с небес, срящите. Христос на земли, возноситеся...», что, как известно, взято за начальные слова ирмосов Рождественского канона.

Выше было указано о «Пире десяти дев» св. Мефодия Олимпийского, весьма искусственным и мало удачным подражанием пиру Платона, в каком произведении св. Мефодий влагает в уста своих дев известный уже нам гимн в честь девства «Ипакои».

К тому же времени, т. е. к IV веку, следует отнести появление акростишных гимнов. Как известно, акростихи или краегранесия стали искусно употребляться позднейшими византийскими писателями в их канонах.

Нельзя не отметить к тому же времени появившуюся и сильно развивавшуюся гимнографию гностиков и иных еретиков. В произведениях Оригена¹ и в «Философуменах» Ипполита² находим любопытные отрывки письменности офитов, употреблявшихся, по-видимому, в их молитвенных собраниях. Маркиониты, гностики Василиц, Валентин и Вардесан были авторами распространенных литургических гимнов. Последний из них с сыном Гармонием составили целую Псалтирь в 150 псалмов.

В противовес еретическим поэтам действовал и св. **Ефрем Сирий** (323—378) в Едесской области; ему приписывается 27 гимнов в честь Богоматери, 52 гимна о Церкви и 87 гимнов о вере³. Его гимны и теперь поются сирийцами.

Таким образом, можно сделать вывод, что в первый период развития нашей церковной поэзии она была под влиянием

¹ «Против Цельса», VI, 31.

² V, 10.

³ Согласно Ассемани, «Библиотека», т. I, стр. 59.

харизматических настроений и, следовательно, не стремилась к закреплению каких бы то ни было форм и памятников своего творчества. По содержанию это были гимны восторженно-профетического характера или эсхатологического настроения. Что касается тех сохранившихся фрагментов литургических творений в виде отдельных молитв, вошедших в крещальные или евхаристические чины¹, то они свидетельствуют о стремлении провести благодать Божию для освящения всей жизни, для непосредственного приобщения к источнику благодатных даров, и мало содержат в себе догматических идей и отвлеченных построений, как это будет иметь место в последующие эпохи. Гонения и связанные с этим мученические подвиги только способствовали такому настроению литургического творчества.

Глава 4

ВТОРОЙ ПЕРИОД — РАСЦВЕТ ПОЭЗИИ (V—VII вв.)

Этот период отличается появлением ряда песнописателей, оставивших более или менее заметный след в истории поэзии (Анатолий, Софроний, Сергей и др.) и особенно исключительной по своему значению фигуры Романа Сладкопевца, давшего совершенно новый тип песнотворчества в виде кондаков. Этот тип поэзии несомненно повлиял на позднейших писателей, но не удержался в практике. Скоро начался этап в истории литургического творчества, для которого тип поэзии Романа был слишком изыскан. Началось искание в иной области.

Характерным для второго периода нашего литургического песнотворчества признаком является, как указывают его ис-

¹ Литургия II и VIII книги Апостольских Постановлений, молитвы Серапионова евхология IV века и им подобные.